Дело чести, или Счастливый день на Марсе

Александр Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пропавшие без вести становятся вернувшимися без вести. Человечеству, которое собралась совершить мощный бросок на Марс, неожиданно пришлось расплачиваться по старым счетам.

- Александр Тюрин
  - 0
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Александр Тюрин
Дело чести, или Счастливый день на Марсе

0

На марсианское дюнное поле садился челночный корабль, похожий на елочное украшение. Из-за горы Павлина метнулся луч восходящего солнца, который, окрасив свой путь в сиреневые тона, с меткостью снайпера поразил челночный корабль в борт, подарив ему несколько мгновений звездного блеска.

На борту челнока находилось четверо смелых людей. Их знания были отточены волей и азартом, их реакции выкованы многолетними тренировками в горах и пустынях Земли, их навыки закалены в изощренных виртуальных средах, их кровь несла миллиарды нанороботов, способных уничтожить любую инфекцию. Их мотивация была усилена большой зарплатой. Все четверо были кавалерами ордена «пурпурное сердце», закаленными ветеранами минувших войн – элитных воздушно-десантных, бронетанковых и разведывательных подразделений. Все они умели сопротивляться боли. Их отношение к смерти вполне совпадало с тем, что некогда изрек Эпикур: «Когда мы есть, то ее нет, когда она есть, то нас уже нет».

Корабль-игрушка замедлил свое падение, он словно встал на сверкающий пьедестал реактивной струи. А потом как лифт небоскреба плавно, но быстро опустился на грунт.

Воздушная волна полетела в сторону исполинского купола Павлина и пропастей Валлес Маринерис. По дороге она сдула реголитовую крошку с черепа, обтянутого высохшей желтой кожей.

1

– Проснитесь, Борис Иванович, – звенящий голос возник вначале в самом сне, он принадлежал волшебнику, похожему на столб ледяной пыли, который кружился то там, то сям в разных углах тронного зала.

– Проснитесь, Борис Иванович, – снова обратилась коммуникационная система, выражая голосом нетерпение. – Экстренный вызов от лорд-протектора Ли, приоритет высший, партнер эмоционально нестабилен.

Борис Иванович с трудом поднял веки, одновременно активизировался и бимолекулярный слой, покрывающий глаза. С виртуального экрана, занимающего четверть нормального поля зрения, на него смотрело лицо американского лидера. Узкие глаза, желтоватого оттенка кожа, позади стена, которую невозможно не узнать. Овальный кабинет Белого Дома. В углу виртуального экрана бежали секунды. Тричаса пять минут петербургского времени. В Вашингтоне куда меньше.

Коммуникационная система предложила выбрать интерфейс общения. Речевой, мыслеголосовой, виртуально-клавиатурный.

Борис Иванович почувствовал, как гравитация усталости пытается снова сомкнуть его веки, как глаза «тонут»в глубине черепа.

Коммуникационная система, выждав положенные пять секунд, установила речевой интерфейс с односторонним визуальным контактом.

– Что случилось, Ли? Атомная война? Нападение страшного вируса на главную американскую водокачку? – спросил человек, лежащий в императорской кровати, человека, сидящего в изрядно запаршивевшем Овальном кабинете.

– Да нет, конечно, Боб, – несколько смущенно отозвался лорд-протектор.

– Ли, я установил линию немедленной связи для чрезвычайных случаев, – строго сказал Борис Иванович. – Не делай так, чтобы я раскаялся в этом.

– Но это действительно чрезвычайно, Боб. Ты, конечно, знаешь, что сейчас на Марсе работает пятая американская экспедиция…

– Ну да, как не знать, Ли. Я тебя уже поздравлял с этим, также как и весь твой народ.

– Дело в том… я получил очень неприятное сообщение по каналам космической сетевой связи около часа назад… Я не мог ждать утра. Ты же понимаешь, я бывший астронавт, также как и

ты.

– Ладно, в чем дело, Ли? – Борис Иванович подумал, что его голос звучит слишком жестко и американский лорд-протектор, чувствующий сейчас свою вину, впоследствии может превратить ее в обиду. Что типично для людей «повелевающего» типа. Борис Иванович дал команду коммуникационной системе, чтобы она смягчала интонации с помощью дипломатического интерфейса.

– У членов нашей экспедиции было столкновение с марсианами. Один из наших, Джек Тао Бяо, мой дальний родственник, погиб.

Напряжение, исходящее от лорд-протектора, приобрело конкретную форму. Форму, смахивающую на государственное безумие, как подумалось Борису Ивановичу. Почему американец так просто вываливает вещи, которые принято скрывать за семью печатями? Неужели у него так все плохо, что он сам инициирует волну истерии, которая должна промыть мозги его подданных?

– Столкновение с кем? Честно говоря, Ли, услышав такое, я первым делом подумал, не надо ли проверить психическое состояние твоих астронавтов. Отравление, шок, передозировка модельных наркотиков, – стараясь говорить ровно и отстранено, перечислял Борис Иванович, – могли привести к ослаблению функций сознания.

– Боб, это исключено. Работает же телеметрия, датчики-имплантаты, интракорпоральные наносенсоры. Все наблюдаемые параметры сразу передаются на фобосский маршрутизатор, а дальше на узлы управляющей сети.

– Почему все-таки ты позвонил посреди ночи мне, а не его китайскому величеству, который твой стратегический партнер и тоже бывший астронавт? И, кстати, в Пекине уже утро.

– Дело в том, Боб, что эти марсиане… не китайцы.

Лорд-протектор явно сдерживал себя, может быть ему помогала в этом его коммуникационная система, но лицо американца выдавало и растерянность, и даже некоторую степень отчаяния.

– А кто ж эти марсиане – русские, что ли? Это похоже на провокацию, старина Ли. На Марсе не было и нет российских астронавтов, ты же знаешь, что мы не ведем эти дорогостоящие и малоосмысленные игры. Только автоматика, да и то в полярных областях…

– Боб, у меня видеофайл на пятнадцать минут. Сейчас я тебе его передам. Только разреши доступ в твою инфосферу.

Доступ я тебе разрешу, подумал Борис Иванович, но надо заодно поднять в воздух на боевое дежурство еще пару эскадрилий роторников и активизировать орбитальные гамма-

лазерные платформы. Не нравишься ты мне сегодня, старина Ли.

2

Марсровер шел со скоростью тридцать миль в час по дюнному полю. Смешная скорость для Земли, где на любой конфедеральной трассе тебя обязывают ехать со скоростью болида. Не можешь сам, покупай автоводилу стоимостью в сто тысяч новых баксов. Но тридцать миль здесь – быстрота невероятная, которая и не снилась прошлым экспедициям.

Дюжина колес – каждое с кучей датчиков, отдельным приводом и своим управляющим компьютером, в ядре у которого добрый десяток процессоров. Все эти двенадцать систем замыкаются на бортовой гиперкомпьютер, с которым связаны навигационные спутники, стационарные и мобильные сейсмографы и много еще чего.

Казалось бы, избыточно все это. Но, кстати говоря, ничто не ездит по Марсу дольше двух недель. На тихой, как будто, планете с мощной корой и минимальной вулканической активностью жизнь невозможна, ни своя, ни пришлая. Жизнь здесь появится только через пару миллиардов лет, когда остывающее и разбухающее Солнце уже проглотит Меркурий, расплавит Венеру и испепелит все живое на Земле…

– Расстояние до «Натаниэла Йорка» сорок две марсианские мили, – сообщил бортовой гипер, вернее одна из его коммуникационных подсистем. – Скорость ветра незначительная, температура воздуха минус десять, выходы газогидрата не зафиксированы. Дюнное поле состоит из ориентированных с востока на запад продольных дюн с симметричными склонами и средней шириной в милю. Все так спокойно, что можно сыграть в скрэббл. Я достойный противник, капитан Уайт, как-никак искусственный интеллект уровня «доктор философии». Если вы не хотите напрягаться, то я просто могу развлечь вас. Вот свежий русский анекдот. Выходит Колобок из бани и говорит…

– Гипер, я не знаю, кто такой Колобок. И вообще не надо ни развлекать меня, ни играть со мной.

На самом деле капитан Уайт знал, кто такой Колобок, но он ненавидел компьютеры с назойливым интерфейсом.

Все показатели, сообщенные гипером, дублировались на нижнем подшлемном дисплее. На верхнем отображались результаты глобального позиционирования на марсокарте. На центральном прозрачном дисплее, что напылен мономолекулярным слоем на стекло шлема, выдавалась «расширенная реальность». Она накладывалась на обычную реальность указателями расстояний, скоростей, азимутов,

всплывающими подсказками и комментариями…

Ты конечно силен играть в скрэббл, подумал капитан Уайт о гипере, а также в тысячу и одну другую игру. Но на Марсе не бывает все спокойно, и тебе это не понять, железяка хренова, пока ты не попадешь в переделку. Это дюнное поле напоминает рельеф Восточной Сахары, где кумулятивный заряд прошил броню моего танка и сжег трех членов моего экипажа, всех, кроме меня… И какому только умнику из Хьюстона пришло в голову дать челночному кораблю имя собственное «Натаниэл Йорк»? Несчастливое имя. Действующее на нервы. По крайней мере капитану экспедиции.

Трое остальных членов экипажа «Натаниэла Йорка», узкоглазые амеразианцы, выдрессированные на киберсимуляторах и заряженные нейромышечными активизаторами, вряд ли знакомы с классической литературой. От них требуется только одно – оправдать вложенные деньги. Найти выход для цивилизации, сильно вывалянной в дерьме и крови. Может быть, это последняя попытка.

Позади семь лет джихада и контр-джихада, беспредельного террора и всеобъемлющего контр-террора, масштабных наводнений и лихорадочного выращивания дамб из металлорганики, подкрепленного фармакологией разврата и программируемого фанатизма, кибернаркомании и неолуддизма, сетевой анархии и антисетевого террора, феодализации и элементарной нехватки дешевого бензина.

И вдруг наступило краткое затишье: все как будто немного приустали от глупости и устремили осоловевшие глаза в небо, на красную звезду. Сплотимся во имя…

Сплотились. Ну и что в итоге? Четыре марсианские экспедиции. Результаты их работы оцениваются оптимистами как «неудача», пессимистами как «катастрофа». Восемь погибших астронавтов, куча дорогостоящей испорченной техники, в средних и экваториальных широтах не найдено никаких поверхностных запасов льда и серьезных источников энергии.

В случае провала эта экспедиция окажется последней. В Нью-Йорке и Пекине с бронзовых барельефов будут смотреть тусклые лица погибших героев-астронавтов, вымазанные собачьим калом.

А если, напротив, экспедиция окажется успешной. Тогда потекут полноводной рекой инвестиции, изголодавшиеся по делу миллионеры вылезут из своих комфортабельных щелей и начнут вкладывать деньги в четвертую планету. Следующее поколение людей, по крайней мере тех, кто побогаче и поумнее, будет жить на Марсе. За два миллиарда лет до того, как это запланировано господом Богом.

– Вы любите красивые зрелища, вы их получите, – почти как одесский дедушка капитана Уайта сказал гипер. Его голос был эмоционально окрашен и выражал законную гордость от проделанной работы.

И действительно захватило дух. Расстояния на Марсе обманчивы. То, что казалось просто бурым слегка мерцающим зигзагом, быстро превратилось в колоссальный разрыв марсианской коры – как говорят специалисты, флювиальной природы. Каньон Валлес Маринерис. По человечески говоря, Морские Долины. Над каньоном стелилась легкая углекислотная дымка. Дно его была неразличимо в оптическом диапазоне и казалось пастью преисподней. Тоху ва воху, как говорил дед. Тьма безвидна и пуста. Впрочем инфравизор, наплывший на забрало шлема, дорисовывал бездну и сделал ее более плоской. Но все равно выглядело внушительно.

Темная немного подвижная зелень, которой инфравизор обозначал дно каньона, казалась рекой шире чем Амазонка во много раз. Когда-то и в самом деле колоссальный поток воды и пара пробил этот каньон. Космический прибой наверное долетал до орбиты Фобоса…

Уайт поднял инфравизор и опустил коллиматорный целеуказатель, столь любимый снайперами недавних войн. Такое впечатление, что глубоко внизу искрится лед! Выступ в стене каньона вроде бы целиком состоит изо льда. Дисплей «расширенной реальности» снабдил своими подписями картину – расстояние по вертикали около мили, азимут триста. И самое главное – у этого участка действительно высокое альбедо.

С остальным предстояло разбираться.

– Леди и джентльмены, за работу.

Коммуникационный чип капитанского шлема передал остальным пассажирам марсровера координаты исследуемой зоны.

Шлюз открылся, плавно опустился трап и на грунт первым вступил Джек Тао Бяо с чемоданчиком-контейнером, в котором находилась небольшая химическая лаборатория. Задача Джека – подобраться к зоне возможного выхода льда как можно ближе. Второй марсровер покинула Вивьен Нгуен, зеленоглазая красотка с отменными формами тела и еще более замечательными умственными способностями. В ее контейнере лежал лазерный спектрограф. Третьим выбрался на марсианское «солнышко» Джейсон Цинь, он нес контейнер самого большого объема. Сейсмометры, метеодатчики. Пусковая установка для ракет-зондов с интеллектуальными системами наведения. Похожие недавно применялись для уничтожения бункеров противника в

восточно-сахарской операции, которую солдаты называли «Буря в стакане тяжелой воды». Там, кстати, Цинь служил тоже под началом Уайта.

За всеми тремя астронавтами-исследователями должен наблюдать их капитан Джон Уайт, который сейчас смотрел на их четкие следы, оставленные в сульфатной «корке» грунта. А также хьюстонский ЦУП – через космическую сеть.

Коммуникационные чипы всех трех исследователей уже начали безостановочно передавать как данные по жизнедеятельности организма, так и визуальную информацию с микрокамер, имплантированных в сетчатку их глаз.

3

Борис Иванович, лежащий в кровати императорской виллы под Петербургом, видел сейчас глазами погибшего астронавта Тао Бяо, хотя, конечно, и не в режиме реального времени.

Жизнь каждого астронавта стоила безумно дорого и складывалась из суммы его доставки на Марс и стоимости подготовки к полету. В то же время космическое командование незамедлительно пожертвовало бы любым астронавтом, если бы стоимость полученной информации превысила стоимость его жизни. Информация о поверхностной воде в средних и экваториальных широтах четвертой планеты была бесценной, потому что могла привлечь сотни миллиардов долларов в марсианские проекты… так что шансов выйти обратно к марсроверу у Тао Бяо было примерно восемьдесят на двадцать. А после того, как углекислотные вихри, поднимающиеся со дна каньона, помешали Вивьен провести спектральный анализ, то семьдесят на тридцать.

Тао Бяо спускался вниз по отвесному склону каньона, используя сверхпрочные мономолекулярные тросы и «въедливые, что твоя теща» металлорганические крепления.

Поднявшийся из глубины мощный углекислотный вихрь с полминуты пытался содрать Джека с почти вертикальной стены каньона, но потом рассеялся, оставив лишь капли жидкой углекислоты на его скафандре.

Астронавт Тао Бяо с помощью психотехники быстро вернул пульс и дыхание в нормальное русло, потом запросил разрешения у капитана на продолжение спуска.

Оказавшись еще на двести метров ниже, он наконец увидел тот скальный выступ, который «приглянулся» сверху капитану Уайту. Рассветные лучи солнца, пропутешествовав по каньону, сейчас упали на эту площадку размером где-то пятьдесят на пятьдесят метров. И стало ясно без всяких анализов – капитан ошибался. Просто рыхлая порода с пузырьками газогидрата. До настоящей воды тут очень далеко. Можно возвращаться.

«Вода привиделась капитану, как будто он иссушенный пустыней путник, – подумал Тао Бяо, о чем, конечно, не узнал Борис Иванович, потому что мысли астронавтов не передавались по каналам космической связи, дабы не утяжелять трафик. – Но путник в пустыне – это всего лишь шестьдесят-семьдесят килограммов уже подванивающего мяса и вымоченного в верблюжьей моче тряпья. А Джон Уайт отвечает за успех экспедиции стоимостью в пятьдесят миллиардов баксов, которая

дает Земле последний шанс на спасение».

Тем не менее, какой-то странный голубоватый отсвет у этого выступа имелся.

До него оставалось еще около ста метров. Спуститься как будто не проблема. Только вот гулять по площадке, начиненной газогидратом, удовольствие из последних.

С полминуты Тао Бяо принимал решение, для которого он решил не спрашивать одобрения у капитана Уайта – ведь на этом решении висел ценник: «стоимость: одна человеческая жизнь». И не исключено, что заплатить все-таки придется.

Сегодня Джон думает только об успехе экспедиции, и он скорее всего одобрит чужое самопожертвование, но завтра он неожиданно поймет, что послал человека на смерть. Никакие успехи промышленности и рост народного благосостояния не могут отменить мыслей о грехе, которые приходят к каждому из нас в преддверии неотвратимой катастрофы – пусть это даже самая тихой и мирная смерть на веранде собственного дома.

Даже на веранде, увитой виноградом, каждый человек попадает в компанию неприятных товарищей, которых зовут Одиночество, Зависть, Забвение, Маразм, Угасание и Сомнения. Сомнения водят вокруг тебя свои акульи хороводы, превращая в кошмар последние твои деньки, ежесекундно напоминая тебе о Грехе. И этого не желал Джек Тао Бяо своему капитану.

Тао Бяо съезжал вниз по тросу, думая о том, что жизнь как вода, которая переливается из сосуда в сосуд. Так говорил его дед, вслед за классиками от Будды Шакьямуни до последнего Далай-Ламы, гастролирующего по отелям-крепостям сети Хилтон. И он был прав, этот старый азиат, который умер сидя. Но, чтобы достичь столь концентрированной безмятежности, надо быть безликим китайским кули. Жизнь миллионов кули и в самом деле подобна воде, переливающейся из сосуда в сосуд. Проблеск, преломление света – все мгновенно, мимолетно, зато вечно течение и смешение струй…

И вот уже хрустнул под ногами сомнительный грунт. И хотя, как капитан Уайт, так и с некоторым запаздыванием далекий Хьюстон, следили за Джеком, даже сейчас от них не поступило ни одного предупреждения.

Тао Бяо своими емкими дрессированными глазами сразу «просканировал» картину местности.

«Расширенная реальность» снабдила его уточняющими сведениями.

До вершины каньона больше мили, его борт акварельными тонами вливается в лиловое небо и край почти незаметен в оптическом диапазоне. До противоположной стены каньона около

пятидесяти миль. Путешествующие в Морских Долинах лучи и углекислотная дымка создают свой мир, где спутаны направления, искажены расстояния и трудно определимы позиции в пространстве.

Выступ соединялся с бортом каньона тонким почти ажурным «мостом», за которым виднелась расщелина. Если точнее, крупный оползень, связанный с разрушением мерзлых пород и вскрытием горизонтов подмерзлотных вод. Все это подсказала услужливо-ускоренная память, об этом ему могла сообщить и космическая сеть. По обеим сторонам расщелины сиял лед, он-то и бросал отблеск на выступ, который «прозеркалил» капитану.

Уайт и Хьюстон молчали, хоть коммуникатор и сетевой вход функционировали. Система мониторинга сообщала о микросейсмах в районе Морских Долин. Ничего тревожного, можно спокойно жертвовать своей жизнью дальше…

На хрустящем «мосту» Джеку на момент стало жутко: если падать вниз, то это почти три мили. Хватило бы и пятидесяти футов, но от этих трех миль приходило сознание собственной ничтожности. Куда ты влез, малыш? Ты мог еще хотя бы пару лет лопать горячие сосиски, тискать девочек и валяться на пляже, пока не попал бы под какой-нибудь очередной призыв. Но и на любой войнушке у тебя было бы в сто раз больше шансов выжить чем здесь, потому что на Земле ты – свой.

Оползень, размером с приличный овраг, напоминал улицу. Благодаря льду даже какой-нибудь торговый пассаж с обилием хрусталя и призматического стекла – из тех, что уцелели в некоторых городках Среднего Запада, до которых еще не добрались вандалы.

Время от времени Джеку начинало казаться, что лед обработан чьей-то рукой – на манер ледовых «дворцов», которых устраивали русские времен первой империи или японцы эпохи Хирохито. Вот здесь эркер, там башенка, здесь крыльцо, там наличник. Да нет, ерунда конечно…

Джека Тао Бяо словно током дернуло. И хотя его скафандр пока что поддерживал оптимальную среду, астронавт не мог унять дрожь в течение минуты, как при шоке. Даже понадобилась легкая адреналиновая автоинъекция – сработали микрокапсулы, имплантированные в его бицепсы.

У ледяной стены расщелины лежало три тела. Их бледно-голубые лица были покрыты изморозью. На них была кое-какая одежда, что-то вроде грубых тканей, которых изготавливали в северных регионах Земли лет сто назад.

Тао Бяо вытащил из контейнера меданализатор. Приставил к коже оледеневшего объекта и нажал стартовую кнопку.

Аудиодатчик уловил хруст, когда игла пробивала покровы объекта. Частота пульса Тао Бяо увеличилась в полтора раза, когда определилось, что далее плотность среды, которую преодолевает игла, значительно уменьшается. Несколько секунд ожидания и анализатор выбросил на подшлемный дисплей информацию.

Тао Бяо понял, что имеет дело с живым объектом, и по нему словно пронесся вихрь – вроде тех, что взмывали со дна каньона.

Ему больше не было жалко собственной жизни, потому что стало кристально ясно – классики были правы, от Будды Шакьямуни до последнего Далай-Ламы. Жизнь – как вода, которая переливается из сосуда в сосуд. Человек – сосуд, планета – сосуд. Весь мир – живой. Лиловое небо Марса смотрело на Джека легкими хлопьями углекислотных облаков и сейчас уже не казалось холодным. Оно пролилось на него ласковым световым дождем и он почувствовал прикосновение планеты. Его дыхание вдруг стало дыханием Марса, планета была как будто в сонной истоме, но она не была мертвой.

Тао Бяо посмотрел еще раз на три тела, которые подарили ему озарение и двинулся дальше вдоль расщелины. Ее стены сплошь состояли изо льда, причем льда земного происхождения – первый же поверхностный анализ показал, что в нем отсутствуют минеральные примеси из солей железа и серы, которые присущи льду марсианскому. Да и одного взгляда достаточно, чтобы заметить отличие от марсианского льда: цвет голубоватый, а не оранжевый и не красноватый. А внутри голубоватой толщи – это не было галлюцинацией, потому что участки мозга, способные обмануть сознание, у Джека просто не функционировали – он видел замороженные трупы лошадей с седлами, попонами и даже уздечками…

Джек обернулся. Те трое, которые только что лежали в глубоком анабиозе около входа в расщелину, сейчас шли за ним. Каждый из них был на голову выше его и намного шире в плечах. Их стального цвета глаза не моргали.

Тао Бяо поднял руку ладонью верх – миролюбивый жест понятный любому человекоподобному существу. Трое подошли к нему и встали с трех сторон. А потом Джек понял, что эти трое начали его убивать. И хотя он отлично владел приемами рукопашного боя, сейчас он оказался беспомощен. Трое существ захватили наружный воздухопровод, словно стальными клещами сжали его ослабевшие словно от обиды руки, сдавили с боков. Уже трещали замки и соединения его шлема.

Этим трем не просто надо было уничтожить его. Дисплеи его шлема должны были показать монстрам, как добраться до

остальных участников экспедиции. Когда Джек понял это, то скручивающим движением немного освободил свою левую руку и дотянулся до крупнокалиберного беспатронного пистолета, висящего у него на поясе. Сканер-прицел «Кольта» уже выдал визир на центральный подшлемный дисплей, его перекрестье сошлось на выпуклом лбу одного из ледяных монстров. Но в этот момент рука Джека была вывернута из суставов, а шлем содран со всех креплений.

Трое существ больше не держали его, в этом не было никакой необходимости. Дальше работала разряженная атмосфера Марса. Она бросилась на астронавта свирепее любого хищника. В тот момент, когда вскипающая кровь вытолкнула глаза Джека из глазниц и хлестнула из ушей, он еще успел подумать, что жизнь была прекрасна, по крайней мере до того, как он пошел в школу…

4

Лорд-протектор Ли был по-прежнему на связи и такое впечатление создавалось, что его сейчас вытошнит.

– Что с остальными астронавтами? – спросил Борис Иванович, стараясь быть участливым.

– Они погибли всего лишь десять минут назад, видеоинформацию мы уже не смогли получить… – какое-то время лорд-протектор боролся с засухой в своем горле. – Наверное, они были обречены. Их последние мгновения были ужасны.

– Я сейчас не готов говорить об этом. В любом случае я выражаю соболезнования их семьям. До утра, Ли.

– До утра, Боб. Надеюсь, что ты мне позвонишь.

Начало четвертого. А в голове все звенит и путается, как после десятикилометрового марш-броска с полной выкладкой.

Борису Ивановичу не надо было будить сейчас и требовать к себе преданного информированного генерала.

Есть виртуальный эксперт «Вернадский – 2», если точнее глава целого семейства виртуальных экспертов, дигитальный сетевой бог. Борис Иванович, а если точнее бывший хакер Боб, знал силу этого программного субъекта, который был до своего приручения… лучшим компьютерным вирусом всех времен и народов.

«Вернадский – 2» ноосферной волной уже несся по линиям связи и хранилищам данных, принуждая к покорности локальных стражей, засевших за огненными валами прокси-серверов, за крепостными стенами маршрутизаторов. Виртуальный эксперт именем эволюции разума принуждал их к покорности или уничтожал. Его целью было выуживание любых сведений об исследованиях, которые могли привести к телепортационным явлениям. Любых данных о деятельности сект, которые могли попробовать использовать энергию своих членов на покорение пространства. Информации о телекинетиках и левитаторах.

Борис Иванович никогда не верил в эту чушь, он верил в дисциплину и ответственность, в организацию общества на рациональных основах самоограничения и самоотверженности. Как впрочем и его американский коллега – лорд-протектор Ли. Но, как лидер, он обязан был что-то предпринять. Виртуальный эксперт через такое-то число минут-секунд-миллисекунд, через такое-то число циклов ментальных операций не сообщил ровным счетом ничего интересного.

Борис Иванович еще раз просмотрел видеофайл, присланный лорд-протектором. Стены ущелья, вдоль которого двигался Тао

Бяо, казалось, носили следы искусственной обработки. Но в принципе все эти завитушки и маковки могли быть продуктами эолической и флювиальной активности самой планеты. Странные затемнения во глубине льда, напоминающие по форме коней, также могли являться всего лишь минеральными образованьями.

Трое таинственных убийц, которые показались лорд-протектору похожими на русских – выглядели очень нечеткими, мерцающими. Так бывает, когда камере не хватает разрешающей способности. Или когда применяются средства РЭБ . Или… Нет, конечно, Борис Иванович не подозревал коллегу Ли в дешевой провокации, после Войны Грязных Ног у Северо-Американской Конфедерации не было ни сил, да наверное и желания для какой-либо агрессивной антироссийской политики. Ведь в войне против Сетевого Халифата Россия и Конфедерация были едины, тогда собственно Борис Иванович и сдружился с лорд-протектором Ли. И если уж начистоту, после отмены президентского поста никакой американский лидер не в состоянии вести активную внешнюю политику. Но желание оказать какое-то психологическое давление могло остаться, подумал Борис Иванович.

Он еще раз просмотрел клип. Именно так ему теперь хотелось назвать видеофайл.

Все, теперь спать. Завтра утром надо будет направить соболезнование американскому народу. Ребятам с ньюс-серверов не надо ничего объяснять, они и так будут обсасывать этот провал американосов, который в любом случае лучший козырь для нашей осторожной космической политики. Хотя парней из пятой марсианской экспедиции действительно жаль, особенно Уайта, то есть Белянчикова, хороший был танкист.

Борис Иванович, задумавшись, послал клип на еще одно исполнение и вдруг заметил нечто странное на груди одного из «марсианских монстров».

Верховный правитель взял контуром заинтересовавший его фрагмент, увеличил оконтуренное изображение, убрал видеошумы, задал квазиинтеллектуальную экстраполяцию.

На груди у «марсианина» был аксельбант. Похожий на те, что носили офицеры русской армии в первую мировую и гражданскую войну.

5

Полковник ЦРУ был тертым и крутым. Это было видно по его манере держаться, жевать энергонакопительную резинку, курить медитативную трубку и пить нано-колу. Размашистые, мягкие, но энергичные движения. Вроде бы ни к чему зря энергию тратить, но мы живем в мире ритуалов, где умение пустить пыль в глаза позволяет сэкономить много сил и средств. Полковник был молодым, образованным и умным. С такими ребятами Борис Иванович любил иметь дело, с такими он поднимал страну. Впрочем в последнее время они несколько робели и смущались в его присутствии. И это его огорчало. Психологический разрыв между их обычной ролью и той маской, которую они надевали в его присутствии, мог привести к скованности мыслей.

– Полковник, а вы Брэдбери читали?

– Ну, кто ж его не читал, Ваше Пре…

– Это обращение для парадных церемоний. Сейчас я просто Борис Иванович.

– Борис Иванович, у нас он входит в школьную программу, в отличие от Америки. Светоч гуманизма, памятник ему в Питере на Исаакиевской площади стоит, он в окружении своих героев-марсиан. Но на самом деле Марс он использовал только как декорацию…

– Хорошо, хорошо, там где поработали школьные учителя, говорить уже больше нечего. Так что у нас с офицерским аксельбантом?

– Борис Иванович, два дня я только этим и занимался. Искал сведения по пропавшим без вести подразделениям русской армии времен первой империи и второй смуты. Оцифрованной информации мало, так что с помощью шестирукого кибера типа «Шива» перелопатил все бумажные архивы, мемуары перечитал… Можно без подробностей?

– Пожалуйста, полковник, в принципе меня интересует результат.

– Профессор Осмысловский, специалист по военной истории, занимался этим. Он составил список таинственно пропавших воинских частей, который был опубликован в одном из полулюбительских журналов двадцать лет назад. По мнению профессора, особенный интерес представляет октябрь 1916 года, когда под Луцком пропало несколько эскадронов императорского царскосельского полка. Примерно в том же районе и в то же время исчезла австрийская егерская рота… Конечно, это имеет и вполне приземленные объяснения – попали под шквальный

пулеметный или шрапнельный огонь, утонули в болоте. Впрочем, Осмысловский считал иначе. Он связывал это…

– С чем?

– С существованием неких телепортационных трубок, которые способны перенести живые объекты вместе с так называемым «фрагментом реальности»в какой-то другой мир, возможно на иную планету. Именно эти «фрагменты реальности» позволяют живым объектам с Земли уцелеть в чужом мире, пока они не преобразуются там в местную форму жизни. То есть, человек как бы существует на пересечении двух миров – один мир поддерживает необходимую стабильность, второй производит изменения… Осмысловский даже утверждал, что Альберт Эйнштейн последние сорок лет своей жизни пытался доказать существование телепортационных трубок. По-крайней мере, еще в 1916 году он беседовал с Иоффе на тему гипотетических антигравитационных сил, действие которых носит нелинейный характер… Но, повторюсь, журнал был не слишком презентабельный, одно название «Иии» чего стоит. Ни в одной из серьезных работ Осмысловского я не нашел никаких упоминаний о телепортационных трубках.

– Я хочу с ним встретиться, – просто сказал верховный правитель. – Нам есть о чем поговорить.

– Борис Иванович, это невозможно. Осмысловский умер месяц назад, в психиатрической лечебнице имени Филипа Дика.

– Значит, он умер уже после начала пятой марсианской экспедиции. Жаль… Полковник, благодарю за проделанную работу… Впрочем, не показалось ли вам кое-что странным во время ваших поисков? Только откровенно, хотя я могу гарантировать, что здесь нет скрытых детекторов мозговых волн.

Полковник несколько замялся.

– Показалось, Ваше Пре…. Борис Иванович. Показалось странным, что в сети не осталось никаких статей из журнала «Иии», вообще никаких упоминаний о нем. Хотя уже в те времена почти все издания такого толка имели помимо бумажной еще и сетевую версию. Как будто кто-то целенаправленно стирал их везде, где только возможно.

– Я понимаю, почему вы не хотели говорить мне об этом. Только кибернетический сетевой субъект большой мощности способен на это – а у нас их не так уж и много… Хорошо, я разберусь. От вас, полковник, теперь требуется следующее. Мне нужно знать, как умер… или погиб профессор Осмысловский. Опросите свидетелей, проведите эксгумацию и экспертизу трупа. Попробуйте сделать это пока что без возбуждения уголовного дела. Мы должны точно знать причину его смерти. Сегодня

вечером мне нужны результаты.

– Слушаюсь, – полковник отдал честь, повернулся и прошел сквозь мембрану двери.

Как призрак, подумалось Борису Ивановичу. Еще десять лет назад только призрак мог выйти и войти, не открывая дверь.

Он посмотрел на стену, где висел портрет виртуального сетевого эксперта «Вернадский – 2». Дружеский автошарж, так сказать. Улыбка его выглядела сейчас несколько зловещей.

6

На виртуальном экране висел отчет, предоставленный полковником ЦРУ и главным патологоанатомом столичного округа. Снабженный схемами и трехмерными изображениями, от которых Бориса Ивановича слегка затошнило. Он даже хотел переключить отчет на обычный настенный монитор, ведь впечатление было такое, что он окружен со всеми сторон вращающимися полупрозрачными мертвецами. Но Борис Иванович подумал, что не стоит доверять даже окну кабинета. Мало ли что там, за ним, во тьме царскосельского парка. Да, парк обшаривается инфракрасными сенсорами, но и способность нападения всегда пытается опередить способность защиты. В восточной Сахаре Борис Иванович воевал с людьми, которых невозможно было обнаружить в тепловом диапазоне…

Пять минут ознакомления с материалами экспертизы и не осталось никаких сомнений в том, что профессор Василий Осмысловский стал жертвой убийства. Но кто был убийцей?

Профессор, а вернее пациент психиатрической клиники, умер во время сеанса сетевой компьютерной игры, которую вообще-то должна была отфильтровать больничная «огненная стена». Однако в тот вечер «огненная стена» была отключена государственной кибернетической системой, имеющей наивысший приоритет.

Пациент умер от шока, причиной которого было, скорее всего, состояние сильного страха. Что не мудрено. Семидесятилетний человек играл в «Третью экспедицию», причем с прямым подключением через психоинтерфейс к сети. Шок привел Осмысловского к бессознательному состоянию, во время которого он просто захлебнулся собственной рвотой. И, хотя другой пациент вызвал медперсонал, медсестра и врач оказались уже у мертвого тела. Задержка была вызвана неисправностью управления лифтами в высотном здании больницы. Вирус большой разрушительной силы проник в ее кибероболочку, легко взломав защитные «льды».

Борис Иванович посмотрел на автопортрет «Вернадского – 2». Внешне положительный образ, этакая благообразная помесь Эйнштейна и матери Терезы. Но улыбочка нашкодившего развратника.

Вирус, напавший на больницу, прилично наследил, один из системных журналов сохранил его характерные коды доступа. И эти всепроникающие коды принадлежали главному виртуальному эксперту.

«Вернадский – 2» не хотел, чтобы человечество узнало тайну телепортационных трубок, чтобы смогло обжить Марс. Он собирался оставить Марс себе, превратить его в гигантский компьютер, используя астеносферу планеты для записи своих бесчисленных киберобъектов, полярные шапки как оперативную память, пылевые бури как магистральные шины передачи данных.

Не «Вернадский – 2», а дигитальный «Сталин – 2», вот истинное его имя. Из-за этого электронного монстра уже погиб и Уайт-Белянчиков, и Осмысловский, и много других хороших людей.

Обо всем этом подумал сейчас Борис Иванович и потянулся к виртуальной клавиатуре, чтобы загрузить Деструктора – программу полного стирания виртуального эксперта. Он никогда не хранил эту программу в сети, даже в самом закодированном виде, только в виде матово-черного менталокристалла емкостью сто миллиардов терабайт на своем указательном пальце.

И когда лазерный луч, направленный терминалом, был готов считать информацию с кристалла, «Вернадский – 2» напал на Бориса Ивановича. Дигитальные демоны, вышедшие из цифровых преисподних, где царил виртуальный эксперт, прошли через психоинтерфейс, легко раскрыв шлюзы доступа в правительственную инфосферу и оказались в мозгу верховного правителя.

На него двинулось огромное войско древних марсиан в серебристых масках, их руки испускали плазменных птиц, а из ротовых прорезей выползали отливающие старинной бронзой пауки, покрытые сеткой гравитационных разрядов. «Вернадский – 2» знал, чем пронять верховного правителя России. Брэдбери был любимым писателем у виртуального демона, также как и у Бориса Ивановича.

Возможно «Вернадскому – 2»и удалось бы победить верховного правителя, но он явно недооценил хакера Боба. Где-то в глубине сознания, а вернее ниже этого сознания, сохранилась дерзкая личность кибер-оторвы, которая не боялась никого и ничего. Она была азартна, она любила драку. На воинов в серебристых масках, отражающих спокойствие вечности, пошла фаланга из тяжеловооруженных гоплитов. Из-за их щитов выбегали трехногие лучники и пускали тучи вакуумных стрел, которые рвали плазменных птиц, превращая в снопы быстро исчезающих искр. В стане врага наступило замешательство. И тут длинные копья гоплитов превратились в антипространственных змей, которые нырнули в строй марсианских воинов, свивая их удушающими спиралями. Гравитационные молнии пауков отлетали от зеркальных змеиных извивов и возвращались к тем,

кто их послал, но уже поменяв знак. Пауки цвета старинной бронзы превратились в черный песок.

Психические силы Боба прошли через интерфейс дигитализации и фалангой хорошо вооруженных киберобъектов вошли в сеть, захватив важный плацдарм для развертывания Деструктора.

Он, подобно ангелу мщения, вылетел из черного кристалла на пальце Бориса Ивановича, прошел декомпрессию на подготовленном для него плацдарме и огненным ветром обрушился на виртуального эксперта. Деструктор разрушал «Вернадского – 2» повсюду, где тот пытался укрыться, от новомодных квантовых суперпозиционных матриц до старинных магнитных лент. Последней сгорела коварная улыбка автопортрета.

7

Джон Уайт, бывший американский астронавт, он же Иван Белянчиков, бывший российский резидент, с улыбкой посмотрел на зеленоглазую красавицу Вивьен Нгуен. Они лежали на водяном матрасе в жилом модуле, оставшемся от четвертой экспедиции. Соседний гидропонический модуль, брошенный второй экспедиции, уже снабдил их неплохими котлетами из хлореллы, которых испек Джейсон Цинь. Старина Джейсон не растерял своих гастрономических навыков со времен восточно-сахарской войны, где он ухитрялся делать отменный гуляш из скорпионов. Сквозь алмазное стекло жилого модуля мерцал под натиском далекой пылевой бури марсианский закат и придавал глазам Вивьен очень сексуальный желтый оттенок.

– Кажется получилось, они отстали от нас надолго, Марс наш. Это случилось сегодня – в самый крутой, счастливый день моей жизни. Вивьен, у нас есть все: свобода от их власти и от их догм; мир, в котором еще далеко до дня восьмого; есть благосостояние в конце концов. Я не думал, что все получится так просто. Виртуальный эксперт стерт в порошок, старт следующей экспедиции откладывается на неопределенный срок. Учитывая, что вскоре начнется очередная свалка с участием Америки, Китая, России и Халифата, то экспедиция вряд ли состоится раньше чем через сто лет.

– А за это время мы что-нибудь придумаем, – отозвалась Вивьен Нгуен, болтая своими хорошо выточенными ножками.

– Да, моя нейтронная звезда. Мы напишем об этом книгу, или хотя бы рассказ на десяток страниц. Я неплохо знал по аравийской войне Бориса и представлял насколько тяготит его зависимость от «Вернадского». Конечно же, Боб должен был принять обычную программную ошибку за ужасный заговор дигитального дьявола. Тао Бяо был настолько болтлив, что выложил всю правду насчет своего трусливого дядюшки Ли, который ждет не дождется появления кошмарных марсианских демонов, от которых так сладко дать деру. Господи, как хорошо – три «марсианских» костюма из полиуглеродного управляемого пластика и лорд-протектор Ли во все поверил.

– А Осмысловский с его телепортационными трубками?

– Что Осмысловский? Почему он тебя так интересует, Вивьен?

– Меня интересуешь ты, я чувствую тебя, а не кого-либо другого. И мне интересно все, что с тобой связано. Пока что.

– Осмысловский стал бы неплохим писателем-фантастом, если бы умел писать романы. Но он умел писать лишь статьи, да

и то кое-как. Я был когда-то редактором журнала «Иии»и я, можно сказать, ему поверил. Сперва. Ведь он уверял меня, что побывал на Марсе с помощью этой самой телепортационной трубки. Он так описывал Валлес Маринерис, что это практически совпадает с тем, что я увидел сегодня. Он говорил, что со временем все порядочные люди переберутся безо всяких ракет на Марс и обретут ту форму, которая им нужна для этой планеты. Что, мол, когда-то такое уже случилось, и люди перешли с сильно разогревшейся Венеры на Землю. На Венере они, понимаешь, были маленькими зелеными крокодильчиками, а на Земле стали смахивать на обезьян. Жизнь не исчезает, говорил профессор, она просто перетекает как вода из сосуда в сосуд, из тела в тело, с планеты на планету. Но…

– Что «но»? – Вивьен едва коснулась пухлыми губками мерцающего стекла бокала, где пузырился своими афродизиаками «коктейль старательский», а затем отчетливо втянула носиком алкогольный аромат и прошептала: «Спирт технический».

– Но чего не может быть, того быть не может. Эйнштейн наконец это понял через сорок лет изнурительных размышлений и немедленно скончался от огорчения.

Уайт подумал, что в разговоре пора бы сделать паузу минут так на двадцать. Его рука скользнула по голой ноге собеседницы. Он подумал, что первый раз у его партнерши такая шелковистая кожа. Слишком даже шелковистая. А вдруг это квазиживое биополимерное покрытие, необходимое после неумеренного потребления мужских гормонов?.. Ее рука, показавшаяся излишне крепкой, не позволила ему продвинуться дальше. Нет, это не безобидная девчонка из бара, которую всегда можно дожать, это профессионалка, напичканная нейроакселераторами, которая сама решит, когда ей надо. Вон у богомолов вообще – он ее ублажает, она его жует, так что ничего, кроме хитина в конце концов не остается.

– Потом, кэп, успеется… А ты никогда не задумывался о том, почему неудача постигает каждую экспедицию? Хорошо, ты так ловко уделал пятую экспедицию, но что-то ведь произошло и с четвертой, и с третьей, и со второй, и с первой.

– Как что? Много чего могло случиться. Хотя бы удары метеоритов, выбросы жидкой углекислоты. Это ж Марс, – ему так хотелось бездумно плыть по ветрам влечения, которые тянули его к Вивьен, но в ее словах явно прозвучало предостережение или даже угроза. – Ладно, девица, на что ты намекаешь?

Вместо ответа ее заволок мрак, сквозь который мерцали желто-зеленые глаза, похожие на марсианский закат. И еще

сквозь тьму будто какой-то хищный силуэт просматривается, похожий на самку богомола.

– Что за хрен? А ну, стоять! – Уайт-Белянчиков потянулся к крупнокалиберному беспатронному пистолету, лежащему под подушкой. Но там его не было.

«Смит-Вессон» был в руках у Джейсона Циня, что возник на пороге жилого модуля. Как он только прошмыгнул через шлюз?

– Ладно, ребята, завязывайте с этими фокусам, все мы шутить умеем, – сказал Уайт, чувствуя как отливает кровь от головы и груди, а сердце начинает колотиться как очумелое, пытаясь подкачать ее.

– Умеем, – охотно согласился Цинь. Сейчас лицо его меняло форму, таяло, из амеразианца он превращался в ино…

Капитан Уайт понял, что сейчас умрет. Смерти он не боялся, хотя никак не мог управиться с ознобом, охватившим его глупое бедное тело. «Когда она есть, то нас нет». Он умрет, так и не поняв, что случилось, каким образом перевернулся мир. Старина Джейсон, что же ты?.. «Мы спиной к спине у мачты, против тысячи вдвоем»… Свой парень, с которым и воевать вместе, и перемолвиться словечком, и даже помолчать неплохо, оказался не человеком.

– Значит, Осмысловский не сочинял…

– Телепортационные трубки существуют, – с готовностью подсказал Цинь и в его голосе как будто просквозило сочувствие, а на его груди проступил словно из-под стаявшего льда офицерский аксельбант. – Поручик императорского царскосельского гусарского полка Коновницын. Пропал без вести под Луцком в октябре 1916. Вернулся без вести в 2016, затем пять лет в частях спецназа, после зачислен в отряд астронавтов.

Уайт вдруг ощутил не слишком приятный запах, похожий на тот, что издают бродящие продукты в испорченном холодильнике. Заодно и мрак, окутавший Вивьен, стал более прозрачным. Теперь проглядывались жесткие оранжевые покровы, гнущиеся во все стороны конечности, голова, похожая на бутон тюльпана. Почти никакого сходства с человеком.

– Но это человек, – усмехнулся Цинь и его обычная простоватая ухмылка, заползающая больше на левую, чем на правую щеку, сейчас показалась звериным оскалом. – Человек, приспособленный для жизни на четвертой планете, переформированный матричными биотоками, текущими в марсианской астеносфере.

– Я не понимаю, Джейсон…

– Я тоже не очень, – голос Циня вроде не доносился изо рта, а шел, как из динамика, от поверхности всего тела. – Я ведь просто

вояка, в отряд астронавтов-исследователей попал по блату, ты ж помог. Телепортация означает перенос реальности. Ты как бы оказываешься на пересечении двух миров, один еще питает и защищает твое тело, но другой мир уже начинает переделывать тебя под себя. В итоге ты принадлежишь им обоим… У тебя две формы, две ипостаси, земная и марсианская. В одной форме ты дышишь кислородом и нуждаешься в наружной температуре двадцать градусов, во второй тебя питает энергия брожения, в твоих жилах течет что-то вроде антифриза на глицериновой основе и минус сорок кажутся вполне приятными даже в обнаженном виде.

Уайт понял, что Циню надоело ждать, что он торопится к Вивьен, что вдыхает ее ласковые цветозвуки, неслышимые и невидимые никакому землянину. А также запахи брожения, которые сейчас отчетливо напоминают о самогонном аппарате, в который добавили флакон «шанели».

– Мы могли бы вместе… Мы – один род, – попытался сформулировать Уайт.

– Не могли бы. Марс принадлежит нам, – черный глаз крупнокалиберного ствола посмотрел на Уайта. – Мне очень жаль, но сегодня я должен убить тебя, командир. Единственное…

– Что единственное? – спросил с надеждой Уайт.

– Я не хочу убивать тебя как палач. Я хочу, чтобы ты умер как воин – в бою.

Цинь забросил пистолет в угол. Вивьен, не глядя на мужчин, вышла в шлюз, даже не позаботившись о скафандре. От нее остался лишь легкий аромат «шанели»с сивушным оттенком.

И вот они стоят друг напротив друга. Красная планета, питающаяся войной и раздором, омывает их своими волнами. Джон Уайт занимает боевую стойку и медленно кружит на одном месте, наблюдая за тем, как Джейсон скользит вокруг него. Капитан решает атаковать первым. Перед тем, как влить полностью свое сознание в последний бой, он думает, что этот денек пожалуй был не так уж и плох.